

РАСКОЛЬНИЧЬИ ГНѢЗДА

(ХЛЫСТЫ. СКОПЦЫ. БѢГУНЫ.)

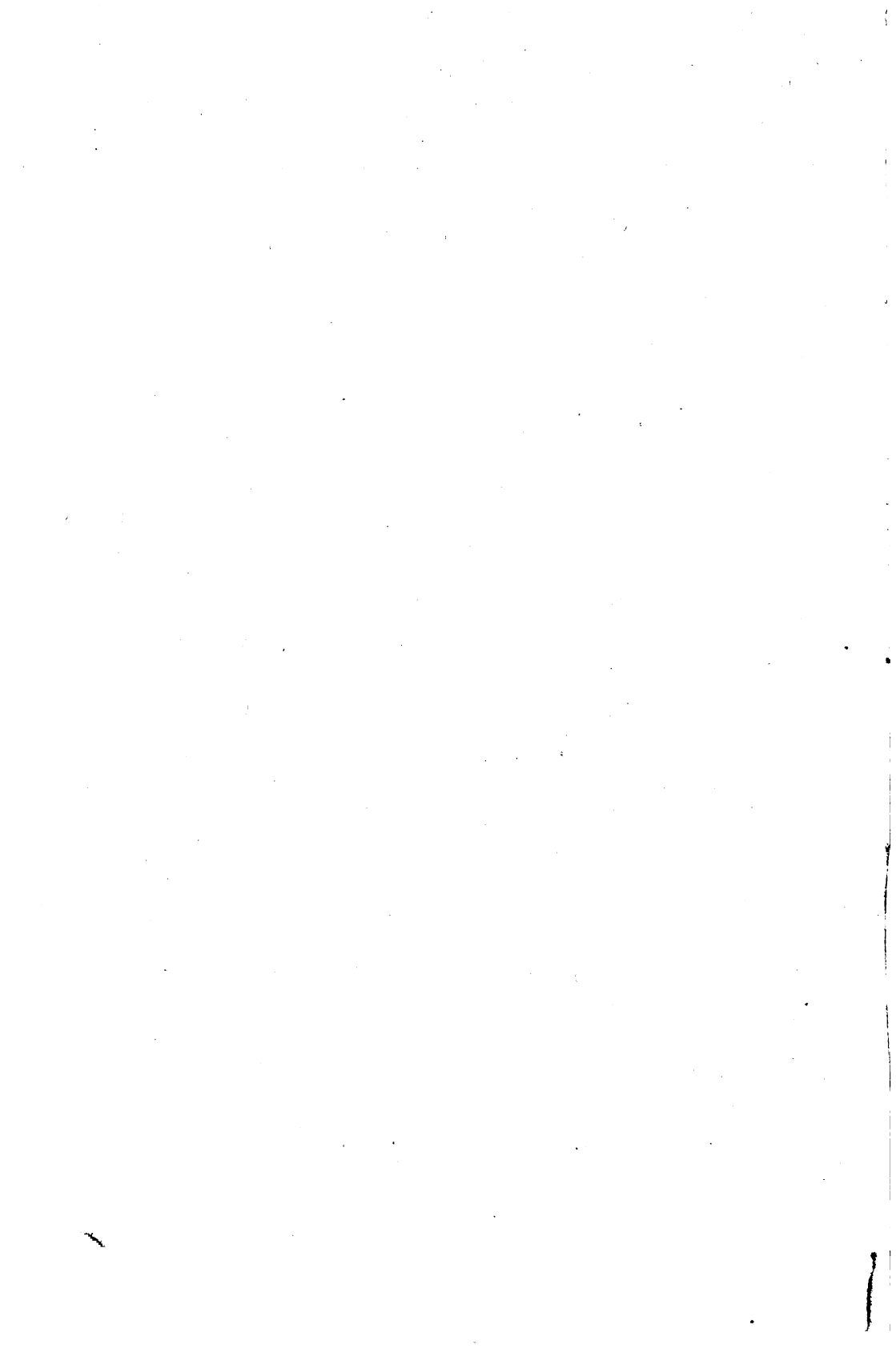
ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ-ХРОНИКА

И. К. Кондратьева

ЦѢНА 1 руб.

171140

МОСКВА
ИЗДАНИЕ И. А. МОРОЗОВА
1896

РАСКОЛЬНИЧЬИ ГНѢЗДА

(ХЛЫСТЫ. СКОПЦЫ. БѢГУНЫ.)

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ-ХРОНИКА

И. К. Кондратьева.

МОСКВА
ИЗДАНИЕ И. А. МОРОЗОВА
1896

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

OCT 13 1994

~~~~~  
Печатано на основаніи ст. 6-ой Устава о Цензурѣ и печати, т. XIV св.  
Закона изд. 1890 г. въ порядкѣ безцензурныхъ изданій.  
~~~~~

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE
LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

~~~~~  
Типографія Администраціи І. И. Пашкова, Старая площ., д. Мичинеръ.  
~~~~~

PG3467
K548 R3
1896
MAIN

~~836~~
~~K5166~~
~~cas~~

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Божьи люди“ — хлысты.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

„Сіонскій“ домъ.

Въ 1743 году, въ Москвѣ, у Сухаревой башни, стоялъ деревянный, на каменномъ фундаментѣ, домъ, тянувшійся въ глубину двора. На Малую Сухаревскую площадь выходили только три окна, почти всегда плотно прикрыты ставнями съ желѣзными запорами. Ворота были о двухъ щитахъ на желѣзныхъ петляхъ. По обѣ ихъ стороны было по калиткѣ. Влѣво отъ двора, до угла Третьей Мѣщанской, тянулся высокій досчатый заборъ.

Это былъ одинъ изъ молитвенныхъ домовъ московскихъ „людей Божіихъ“, извѣстныхъ подъ названіемъ хлыстовъ. Домъ этотъ среди хлыстовъ носилъ названіе „Сіонскаго“ дома, и въ немъ въ данное время проживали два коновода тогдашней хлыстовщины— Андреянъ Петровъ и капитанъ Тихонъ Смургинъ.

Шель августъ мѣсяцъ. Вечерѣло. Къ одной изъ калитокъ дома быстро, по направленію отъ Сухаревой Башни, подошелъ средних лѣтъ мужчина, одѣтый по русски, и тихо толкнулъ ее. Калитка оказалась запертою со двора. Мужчина постучалъ въ нее сильнѣе. Долго никто не являлся отцереть, наконецъ по двору послышались мѣрные шаги: кто-то направлялся къ ней. Мужчина дернулъ еще разъ калитку.

— Ково еще Господь посылаетъ?—послышался за калиткой довольно грубоватый мужской голосъ.

— Федоръ Перфильевъ,пусти Христа - ради, — проговорилъ скромно мужчина.

— А, ты, Меркурій Дмитричъ! Входи, входи, родименькій. Сейчас отопру.

Съ этими словами, носившій имя Федора Перфильева, отперъ калитку и пустилъ пришедшаго.

Вошли они на довольно обширный дворъ. На лѣвой сторонѣ двора находился небольшой огородъ, на которомъ только-что были собраны овощи. Въ глубинѣ же его, прямо противъ воротъ, виднѣлся деревянный, съ каменнымъ подвальнымъ этажемъ, флигель въ шесть оконъ по лицевому фасаду. Рядомъ съ нимъ, на-право, изъ-за рѣшотчатой ограды, вырисовывался хорошенькій молодой садикъ и въ немъ маленькая деревянная церковь. Передъ садомъ во дворѣ стоялъ колодезь съ навѣсомъ, въ видѣ часовни, а къ заднему углу флигеля примыкали конюшни и сарай.

— Боже мой, какъ живетъ-то Господень человѣкъ! — проговорилъ съ умиленіемъ пришедшій, какъ бы невзначай окидывая глазами дворъ.

— Живемъ по Божески, — отвѣчалъ наставительно Перфильевъ. — Благодѣтель нашъ, Андреянъ Петровичъ, ни въ чемъ недостатку не вѣдаетъ. Господь Ісусъ Христосъ, Сыне Боже нашъ, милуетъ его за жизнь многострадальную. Будетъ и тебѣ такъ, Меркурій Дмитричъ, коли будешь нашимъ согласникомъ, и будетъ Богъ съ тобой и Сынъ Божій надъ тобой!

— А самъ-отъ Андреянъ Петровичъ дома? — спросилъ уклончиво Меркурій Дмитричъ, шагая рядомъ съ Перфильевымъ къ заднему флигелю.

— Нашъ батюшка всегда дома, и для званныхъ гостей всегда лавка найдется.

По широкому деревянному крыльцу вошли они во флигель. Въ теплыхъ сквозныхъ сѣняхъ, раздѣлявшихъ домъ на двѣ половины, Перфильевъ оставилъ пришедшаго.

— Иди теперь самъ, милый мой. Отецъ нашъ, батюшка, Андреянъ Петровичъ, на встрѣчу тебѣ выйдетъ, голубчикъ.

Не успѣлъ Меркурій Дмитричъ снять и положить на стоявшій въ сѣняхъ сундукъ свой кафтанъ, какъ изъ двери на-право вышелъ ему на встрѣчу самъ хозяинъ дома.

Это и былъ самъ извѣстный въ то время,—конечно, тайно,—хлыстовскій лже-христосъ, третій по счету послѣ Суслова и Лупкина, Андреянъ Петровъ.

Петрову было около тридцати двухъ лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ продолговатое лицо, поросшее не особенно густыми волосами, широкій ротъ и необыкновенно большіе, выразительные глаза.

Бездомный бродяга, круглый невѣжда, Андреянъ Петровъ счумѣлъ изъ уличнаго нищаго, въ тридцать два года, добиться благосостоянія и почета не только среди такихъ же невѣждъ, какъ онъ, но даже и среди людей болѣе развитыхъ и высокопоставленныхъ. Хитрый до крайности, онъ и разбогатѣвъ, помимо дѣлъ своихъ съ хлыстами, не переставалъ ломать изъ себя юродиваго и предсказателя. Такъ его и знали среди народа за юродиваго-предсказателя.

Зналъ его съ этой стороны и пришедшій къ нему Меркурій Дмитрічъ, по фамиліи Сырейщиковъ, московскій второй гильдіи купецъ.

Встрѣтилъ Сырейщикова Андреянъ Петровъ молча, устремивъ на него свои большіе глаза.

— Къ тебѣ, родненькій,—поклонился Сырейщиковъ Андреяну.

— Знаю твое дѣло, братъ,—отвѣтилъ глухимъ голосомъ Андреянъ и, быстро повернувшись къ Сырейщикову спиной, юркнулъ въ дверь.

Сырейщиковъ послѣдовалъ за нимъ. Вошелъ онъ въ обширную комнату съ выбѣленными стѣнами, въ которой, въ обоихъ переднихъ углахъ, возвышались поставцы съ иконами въ кіотахъ и дорогихъ ризахъ. Кромѣ лавокъ у стѣнъ въ этой комнатѣ ничего не было. Комната эта предназначена была Андреяномъ для хлыстовскихъ „радѣній“. Такъ-какъ въ ней Андреяна не было видно, то Сырейщиковъ вошелъ въ отворенную дверь на-лѣво, и очутился въ другой комнатѣ, нѣсколько поменьше. Стѣны ея были обтянуты обоями, стояли два кресла, нѣсколько стульевъ, мягкій диванъ, покрытый персидской парчей, на немъ подушка, а у ногъ былъ поставленъ маленькій коврикъ.

На диванѣ, въ парчевомъ халатѣ, сидѣлъ Андреянъ, а рядомъ съ нимъ другое лицо, его другъ, Смургинъ.

При входѣ Сырейщикова, Смургинъ всталъ и проговорилъ бойко:

— Государя милостиваго слуга покорнѣйшій, не служащій капитанъ Смургинъ! Съ Андреяномъ Петровичемъ вмѣстѣ несемъ крестъ Христовъ, спасаемся и гонимы вмѣстѣ отъ аспидовъ.

Гонимый этотъ, однакожь, былъ необыкновенно бодръ, красивъ собой, и былъ моложе Андреяна Петрова по крайней мѣрѣ года на четыре. Особенную красоту и удалъ придавали ему красивые пушистые усы. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то необыкновеннаго покроя, васьковского цвѣта, кафтанъ съ мѣдными пуговицами, и широкіе алые шаровары. Вообще, видъ имѣлъ представительный, но довольно странный. Онъ нѣсколько походилъ на маскараднаго героя.

Выслушавъ представленіе Смургина, Сырейщиковъ низко поклонился ему.

— Доложу вамъ, государь милостивый,—началъ Смургинъ,—Андреянъ Петровичъ нынче не особливо духъ Божій чувствуетъ, и по сему не соблаговолите ли зайти въ сіе мѣсто свято въ другорядъ.

Андреянъ Петровъ вдругъ вскочилъ, покачалъ, глядя на Сырейщикова, укоризненно головой, и вдругъ куда-то скрылся.

Смургинъ спокойно сѣлъ на его мѣсто.

— Ваше дѣло, сударь?—спросилъ онъ подъяческимъ тономъ у Сырейщикова, точно забывъ о томъ, что предлагалъ ему придти въ другое время.

Сырейщиковъ нѣсколько замялся.

— Не бойтесь, сударь, говорите,—ободрилъ его Смургинъ.— Можетъ, въ нашъ согласъ поступить желаете?

Сырейщиковъ замялся.

— Желаете?

— Другое дѣло у меня, родименькій, къ вамъ.

— Повѣствуйте, какое?

— Супруга, Богомъ мнѣ данная, плода не имѣетъ,—проговорилъ, понизивъ голосъ, Сырейщиковъ.

— И что-жь: плодъ имѣть желаете?—спросилъ, какъ-то особенно искрививъ губы, Смургинъ.

— Такъ точно, батюшка мой.

— Посѣкаютъ безплодную смоковницу, — началъ наставительно Смургинъ,—только въ дни наши учинить сего невозможно: народъ грѣхомъ обуянъ и людей Божіихъ мало на свѣтѣ имѣется.—Гдѣ жить изволяете, сударь?—вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ.

— Не далеко-съ отседова, батюшка: у Трифона-мученика свой домишко имѣю.

— Близко, стало, отселева?

— Близехонько, батюшка мой.

Смурыгинъ помолчалъ, окинуль взглядомъ съ ногъ до головы Сырейщикова, и, думая про себя „экая дубина лѣсная“, — вдругъ спросилъ:

— А сколько твоей супружницѣ лѣтъ будетъ, позволительно спросить?

— Лѣтъ двадцать пять, батюшка, будетъ, не болѣе, — торопливо отвѣтилъ Сырейщиковъ.

— А тебѣ, спрошу?

— Сорокъ пятый пошелъ.

— И сдобна изъ себя твоя смоковница безплодная? — продолжалъ допрашивать Смурыгинъ, какъ-то нетерпѣливо егозя по дивану и мытливо вскидывая глаза на Сырейщикова.

— Лицомъ Богъ не обидѣлъ, правду сказать, батюшка: красота писаная... Да вѣдь чтожъ — баба, вѣстимое дѣло. Для соблазна нашего и сотворены онѣ, сами знаете.

— Ты дѣло говоришь, сударь мой! — проговорилъ, вставая, Смурыгинъ.

— Какъ не дѣло, батюшка! Тоже, вѣдь, на свѣтѣ живемъ, землю Божескую топчемъ.

— Ну, и ладно... а мы твоему дѣлу поможемъ, душа христіанская, — закончилъ свою рѣчь самоувѣренно Смурыгинъ, и съ какими-то особенно плутоватымъ молодечествомъ закрутилъ свои красивые, пушистые усы на-право и на-лѣво.

Сырейщиковъ умилился и началъ низко-пренизко кланяться Смурыгину, приговаривая:

— Батюшка, помоги! все отдамъ, что имѣю... А ужъ какъ Авдотья-то рада будетъ — и-и, Господи ты, Боже нашъ!

Только что Сырейщиковъ скрылся за дверью хлыстовскаго лже-христа, какъ самъ лже-христосъ, зло и глупо посмѣиваясь, вышелъ къ капитану Смурыгину.

— О-го-го-го-о, чурбанъ-то какой! — смѣялся онъ, держась за свои порядочно-таки растолстѣвшіе бока. Вишь, захотѣлъ чего! захотѣлъ ребять имѣть! Ай, простакъ! ай, простакъ русачекъ нашъ, купчина!

забылъ, какъ курица яйцо высиживаетъ! О-го-го! — продолжалъ онъ гоготать, и не на шутку покатывался со смѣху.

Смѣхомъ лже-христа заразился и красивый капитанъ.

Чистымъ, пріятнымъ баритоноръ посмѣивался онъ, и приговаривалъ:

— Эхъ, и удружу же я ему! вотъ какъ удружу! повѣкъ меня, капитана Смургина, не позабудетъ!

— А чѣмъ, примѣрно? — спрашивалъ, смѣясь, Андреянъ, и лукаво подмигивалъ капитану правымъ глазомъ. Чѣмъ, скажи-ка, дяденька?

— Самъ знаешь! — хохоталъ капитанъ, и въ свою очередь подмигивалъ Андреяну, но только лѣвымъ глазомъ.

Вдругъ Андреянъ мгновенно присмирѣлъ, и спросилъ серьезно:

— А про деньгу ты пыталъ у него?

— Что пытать! деньгу, знать, имѣеть! — отвѣтилъ также серьезно Смургинъ. У Трифона, говорить, домишко свой. Чай, домишко-то не пустопорожній стоитъ, какъ ты смѣкаешь о томъ, Андреянушка?

— Смѣкаю, ладно это, — осклабился лже-христосъ, — и пожива намъ будетъ знатная! вотъ что смѣкаю, Тихонъ!

— То-то, братъ! — значительно мотнулъ головой Смургинъ, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, затянулъ:

Какъ у насъ было на семь свѣту, на святой Руси,
Въ славной матушкѣ, каменной Москвѣ,
Во Мѣщанской третьей улицѣ!

Андреянъ тоже подхватилъ. Пѣсня была общая, хлыстовская. Они пѣли:

Не два солнышка сокатались,
Тутъ два гостя ликовались —
Гость Андреянъ Петровичъ,
Гость Тихонъ, сударь, Минаевичъ!

„Андреянъ Петровичъ и Тихонъ Минаевичъ“ — составляли собственный ихъ вариантъ пѣсни. Въ настоящей, хлыстовской пѣснѣ упоминаются не они, а Данило Филиппычъ и Иванъ Тимоѣевичъ, эти два первыхъ лже-христа.

Пріятный баритонъ Смургина и надтреснутый, дребезжащій голосокъ Андреяна, слились въ какое-то безобразное завыванье, окон-

чившееся тѣмъ, что оба они, поднявъ полы,—одинъ халата, другой кафтана,—пустились въ плясъ.

Глядя со стороны, можно было подумать, что это два сумасшедшихъ, только-что покинувшіе свои больничныя постели и ликующіе свободою.

На дѣлѣ, между тѣмъ, было далеко не такъ.

Пройдохи, плуты, люди по-своему весьма умные, два хлыста, два друга, ворочившіе цѣлымъ хлыстовскимъ «кораблемъ», носившимъ названіе «Ворсанофіевскаго», притворство свое они довели до такой степени совершенства, что и между собою, наединѣ, съ глазу на глазъ, никогда не упускали случая покроводствовать. Такъ иногда, самъ того не подозрѣвая, вставляетъ актеръ въ свою разговорную рѣчь тирады изъ давно заученныхъ имъ ролей.

Андреянъ и Смурыгинъ были своего рода тоже актеры отличные.

Поплясавъ вдосталь, оба они сѣли и уставились другъ на друга глазами.

— Андреянъ!—началь Смурыгинъ,—а вѣдь животъ трапезы требуетъ!

— Требуется, дяденька, требуетъ!—привскочилъ лже-христосъ, глупо осклабясь.

— Такъ благослови!

— Благословлю, дяденька, благословлю! — совсѣмъ уже привскочилъ лже-христосъ.

Привскочилъ, и—точно по щучьему велѣнію—исчезнувъ куда-то на минуту, притащилъ цѣлый ворохъ закусокъ, и постныхъ и скоромныхъ, съ прибавленіемъ къ нимъ настойки и винограднаго винца, до которыхъ они были большіе и рьяные охотники. Андреянъ привязался къ нимъ, нищенствуя, капитанъ—совершая трудные походы. Пили они, впрочемъ, равномерно много, не уступая другъ другу ни на одинъ волосъ.

Положивъ на-скоро семипоклонный, уставной «началь», лже-христосъ и бравый капитанъ приступили къ дѣлу.

Дѣло пошло ходко. Черезъ часъ какой-нибудь, хлысты, развалившись на мягкихъ перинахъ, храпѣли уже во всю ивановскую... Здорово нагузились хлыстовскіе коноводы...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дьявольскія дудочки.

Ночь августовская, звѣздная, прохладная, повисла надъ Москвой. Москва спала.

Въ старину,—а для насъ теперь старина, что было и за полтора раста лѣтъ назадъ,—москвичи ложились рано и спали здорово. Еще живы были преданья другой старины, старины XVI и XVII вѣковъ, когда считалось за грѣхъ не спать послѣ обѣда, не вставать съ зарей и не ложиться съ другой зарей.

Спала Москва. А если кто не спалъ, такъ это собаки, которыми все равно, когда бы не спать, да еще, пожалуй, два-три десятка сторожей, лѣниво постукивающихъ въ чугунныя доски.

Одинъ изъ всѣхъ этихъ сторожей болѣе другихъ бодрствовалъ. Это былъ сторожъ при домѣ купца Сырейщикова.

Истово ходилъ онъ у воротъ и еще истовѣ стучалъ въ чугунную доску.

Старъ былъ дѣдушка Стратилать, любилъ поспать, старая кости въ могилу просились—не диво. А вотъ расходился же старина.

— Ге - ге! — кричалъ онъ время отъ времени, посматривая на хозяйскія окна, сквозь которыя чуть-чуть проскальзывалъ свѣтъ, и къ чему-то все прислушивался. Прислушивался и снова ходилъ, ходилъ и постукивалъ въ чугунную доску.

Скучно старику. Отъ роду ему лѣтъ шестьдесятъ, а во все это время онъ не видалъ и капельки счастья. Доля ужъ такая, видно. И дѣтей у старика много. А вотъ у хозяина дѣтей нѣтъ. И отчего-бы, кажись: и богатъ, и у людей въ чести, и жонка молодая, пригожая,—а все дѣтей нѣтъ. Плачется, а горю помочь не кому. Не разъ Меркурій Дмитричъ подходилъ къ старику: «Стратилать, ты благословенъ отъ Господа, вишь—у тебя ребятишекъ-то сколько! А я, вотъ, четвертый годъ живу съ Авдотьей, и не взысканъ». — «Потерпи маленько,—утѣшаетъ Стратилать хозяина, — пошлетъ и тебѣ Господь благодать. Все отъ него, Отца небеснаго!» — «Такъ-то,

такъ», — мурлычетъ Меркурій Дмитричъ, и съ горя, на сытой лошади, въ хорошей повозочкѣ, везетъ молодую жонку по Москвѣ. А Стратилату все плохо, Стратилать все въ какой-то конурѣ живетъ, да черствый хлѣбъ жуетъ...

Туговать на деньгу былъ второй гильдіи купецъ, Сырейщиковъ. Да и странный какой-то: не то уменъ, не то глупъ. Больше помалкивалъ, чѣмъ говорилъ. Въ городѣ, среди торговцевъ, — онъ торговалъ позументами и тесьмой вмѣстѣ съ тѣмъ, — всѣ его знали за человѣка съ мощной, но за копѣйкой къ нему не шли. «Скаредъ» говорили они и сторонились отъ него. Сырейщиковъ и самъ сторонился отъ нихъ. Для того онъ и жилъ на окраинѣ Москвы. Лицо у Сырейщикова тоже имѣло видъ особенный: не то онъ тосковалъ о чемъ-то, не то думалъ глубокую думу. И тоска и дума, казалось, какъ-то въ разъ когда-то появились на его лицѣ, да такъ и застыли навсегда. Жена тоже не особенно долюбивала его, но была вѣрна, какъ и подобало настоящей заправской купчихѣ. Жонку свою Сырейщиковъ, не въ примѣръ другимъ купцамъ, кои своихъ женъ въ «страхѣ Божіемъ», содержали, — холилъ и лелѣлъ на славу. Ужъ и такъ хороша была Авдотья. Такую бабу хлѣбомъ не корми, она все же цвѣсти будетъ. А тутъ еще хола да забава. Просто баба загляденье сдѣлалась. Кто, бывало, не поглядить: ахнетъ, да руками разведетъ.

— И откуда, — промолвить, — благодать экая купчинѣ!

А купчина знай себѣ радуется, да благодарить Создателя за даръ ниспосланный.

— Не одобровать тебѣ съ женкой, Меркурій Дмитричъ, — про-
рочили завистники.

— Не дологъ вѣкъ бабѣ, — говорили другіе. — Не спроста она
лякъ такой обрѣла.

— На свою голову обрѣла! — злились третьи.

— Сосудъ діавольскій! — ворчали старые раскольники, знакомые
Сырейщикова.

А хлысть одинъ, увидавъ Авдотью, просто брякнулъ:

— Отдай намъ, Меркурій, свою женку: мы изъ нея свою про-
рочицу сдѣлаемъ. Ужъ больно она у тебя баба распрекрасная.

Покосился на хлыста Сырейщиковъ, и жонку съ того времени
не особливо-то въ люди показывать началъ. Догадался купчина,

что баба «товаръ вольный, «скользкій», не запрешь — пропадетъ. Заперъ онъ Авдотью, то есть не особливо заперъ, а такъ себѣ подъ надзоръ особенный поставилъ, за то ужъ въ другомъ чемъ — еще пуще ублажать зачалъ. Живетъ Авдотья, цвѣтетъ день со дня. А дѣтей все нѣтъ. Плачется Авдотья. А мужъ еще пуще плачется.

Сойдутся, только и разговору:

— Кому, скажи-ка, Дуня, — печалится мужъ, — мы оставимъ добрецо наше, трудомъ нажитое?

Вздыхаетъ Дуня. Высокая грудь калышется, изъ глазъ чуть слезы не хлынуть. Вздыхаетъ и молчить:

— Ужъ и невѣдаю, голубчикъ мой. Знать, по грѣхамъ по нашимъ. Въ старый бы Іерусалимъ сходить.

— Въ Іерусалимъ? — переспрашиваетъ Сырейщиковъ, и послѣ этого долго молчить.

Человѣкъ онъ былъ религіозный, много суевѣрный и довѣрчивый въ дѣлахъ духовныхъ, а все же не вѣрилось ему, чтобы Іерусалимъ помогъ въ такомъ разѣ.

— Думаю я такъ, — рѣшалъ онъ наконецъ, — что здѣсь бы, въ Москвѣ гдѣ либо, знахаря поискать, али тамъ еще кого изъ юродивыхъ Христа-ради...

— Охъ, это бы еще лучше! — соглашалась пригожая женка, совсѣмъ не имѣвшая желанія отправляться въ невѣдомый ей Іерусалимъ.

Случай Сырейщикову представился.

Тотъ же хлыстъ, что хотѣлъ изъ Авдотьи сдѣлать хлыстовскую пророчицу, разъ сказалъ ему на жалобу:

— Хочешь, миленькій, помогу тебѣ?

Сырейщиковъ вытаращилъ глаза:

— Ужли правда?

— Вратъ мнѣ нечего.

Тутъ хлыстъ отвелъ Сырейщикова въ сторону и сообщилъ ему секретно:

— Вы люди «гнѣздники», «невѣрные», «мірскіе» люди. А мы «Божьи люди», «стадо Христово». Живемъ мы не такъ, какъ вы, «іуден». У насъ свои заповѣди. Далъ ихъ намъ «саваоохъ», Данило

Филипповичъ изъ «верховой стороны» *). И гласить наша заповѣдь шестая: «Холостые не женитесь, женатые живите съ женами, какъ съ сестрами». Мы свято чтимъ уставы наши. У насъ женъ нѣтъ, стало и въ дѣло такое промежду васъ «невѣрныхъ», входить намъ не слѣдуетъ. Да ужъ что будешь дѣлать съ тобой. Купчина ты больно ладный и одолжишь мнѣ, коли что, позументику рубликовъ на пятьсотъ.

— Хоть на тысячу!—прикрикнулъ обрадованный Сырейщиковъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, что скажетъ дальше хлыстъ.

А хлыстъ также таинственно продолжалъ:

— Сказываю я, помочь тебѣ возможно. А какъ, — ты слушай, миленькій. Иди ты въ нашъ «сіонскій» домъ, что у Сухаревой. Домъ-отъ тотъ Андреяна Петровича. Такъ въ міру онъ зовется. А про между насъ онъ другую кличку имѣетъ. Клички той тебѣ не уразумѣть. Придешь ты и выкликнешь ты работника Андреянова, Ѳедора Перфильева. Малый онъ добрый. Вотъ, черезъ него ты и повѣдаешь, какъ увидать можно самого-то Андреяна Петровича. Увидишь ты его, ну и повѣдаешь ему ты горе свое, онъ и смилуется, надъ тобой, батюшка нашъ. Поможетъ. Вотъ тебѣ и скажъ весь, миленькій.

— Про Андреяна я кое-что слыхивалъ, промолвилъ не смѣло Сырейщиковъ.—Слышно, онъ юродствуетъ и нѣмотой одержимъ.

— Теперь нѣтъ. Отверзлись уста и глаголетъ.

Андреашъ Петровъ, третій хлыстовскій лже-христосъ, прикидывался сперва нѣмымъ. Нѣмота и вывезла его. Онъ составилъ ея свое имя. Ходилъ онъ, не будучи еще хлыстомъ, въ одной рубахѣ, босой зимою и лѣтомъ, скитался по Москвѣ и предсказывалъ будущее, объясняясь жестами и знаками. Это было въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Не прошло и пяти лѣтъ юродствованія Андреяна Петрова, какъ по Москвѣ пронесся слухъ, что невѣдомо откуда явился блаженный юродъ, нѣмой, и безъ словъ предсказываетъ будущее.

*) Верховной стороною у хлыстовъ называется Кострома.